

Анатолий
Васильевич
Луначарский

РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛИЗМ

RUGRAM

Москва

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л84

Луначарский, А. В.

Л84 Религия и социализм / А. В. Луначарский. — М.: RUGRAM, 2022. — 232 с. — (Навстречу революции).

Книжная серия «Навстречу революции» — издательский про-ект, нацеленный на составление современного, всеобъемлющего и наиболее широкого ряда произведений классиков отечественной политической и революционной мысли. Сегодня, оглядываясь на мыслителей прошлого, мы понимаем, что множество книг, легших в основу нашего представления о современности и об обществен-ном укладе, не утратили своей остроты, актуальности и значимо-сти — напротив, сегодня мы можем по-новому взглянуть на труды, выковавшие наш век, и оценить их значимость и вневременность.

Многие труды, выходящие в рамках издательского проекта, долгие годы были недоступны на книжном рынке; выросли поколения, не знающие имена и труды классиков. Задача серии «На-встречу революции» — дать возможность современному читателю ознакомиться и осмыслить классиков революционной мысли, а также понять их значимость для дня сегодняшнего.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78043-3 © RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Анатолий Луначарский

Религия и социализм

том I (1908)

Предисловие

I

Настоящая работа в самых существенных своих чертах задумана около 10 лет тому назад, в годы ранней молодости. Основные идеи: о сущности религии вообще, о смысле и направлении развития религиозности, о связи научного социализма с заветными чаяниями человечества выраженными в религиозных мифах и догмах и сменивших их метафизических системах, о центральном месте «труда» в новом миросозерцании — все эти идеи уже рано зародились в уме автора и, не изменяясь в существе своем, лишь прояснялись и упрочивались по мере более глубокого ознакомления с историей религии и философии и с научным социализмом.

В 1898 году автор прочел в Киеве реферат «Идеализм и марксизм», — в котором был дан первый очерк его идей. Между другими оппонентами находился и г. Бердяев, тогда еще совсем юноша, и по воззрениям своим не ушедший еще так далеко от социал-демократии, как теперь. Реферат показал даже, что мы, без нашего ведома, но конечно не случайно, работали в сущности над той же проблемой. Но как различны были результаты! Если первый реферат пишущего эти строки на философскую тему встретил очень дружественную критику со стороны Н. Бердяева, то одна из первых его серьезных статей, через три года после того, волей неволей должна была стать беспощадной критикой воззрений Бердяева, «о булгаченного» к тому времени совершенно.

Работа автора шла своим чередом, нельзя сказать, однако, чтобы достаточно систематично, так как тюрьмы, ссылки, практическая работа и ряд частных обстоятельств являлись сильными препятствиями для такой систематичности. Первоначальный план работы был задуман очень широко. Это должна была быть целая история религии с материалистической точки зрения, со включением в нее европейской метафизики, утопического социализма и, наконец, научного социализма. Материал накапливался, но открывались все новые горизонты, а свободного времени становилось все меньше. Наконец, воспользовавшись месяцами не совсем добровольной свободы от «текущей жизни», автор решил радикально пересмотреть план и, не гонясь за полнотой, дать идейный абрис с своей теории, останавливаясь лишь на важнейших опорных пунктах. Теперь дело идет уже не об истории религии, а только о более или менее глубоком исследовании взаимоотношений религии и социализма, об определении места социализма среди других религиозных систем.

Не только соображения о колоссальных трудностях выполнения работы по первоначальному плану, не только со знание того, что обстоятельства не позволят отдать 2-3 года сплошного, методического труда, необходимого для его выполнения, руководило автором: для него было ясно, что научный труд в 2-3 тома с большим количеством фактического багажа — будет мало доступен для широкой публики и скорее заслонит, чем усилит то новое, жизненно важное, что автору хотелось бы высказать. Но распределяя свой материал таким образом, чтобы изложить его в небольшой книге на 20 печатных листах, автор часто с болью сердечной отбрасывал то или другое интересное построение, исследование, догадку, обобщение. Поэтому он решил издать отдельно для тех читателей, которые заинтересуются его идеями, наиболее важные фрагменты задуманной прежде большой работы.

II

Исконный, с детских годов проявившийся интерес автора к религиозным и художественным выражениям сердечной жизни человека не мог не вырасти до размеров и значения настоящей проблемы жизни после восторженного «обращения в марксизм». Никогда не воспринимался он автором, как «сухая» экономическая теория, как объективное фактическое исследование и только. Конечно, наличие и важность этих элементов в научном социализме была ясна автору, но прежде всего научный социализм был для него синтетической философией, гармонически соединявшей идеал и практику, реалистически и революционно увенчавшей собою грандиозный, глубоко волнующий душу порыв мысли учителей Маркса — великих немецких идеалистов.

Чем был Гегель и позднее Фейербах для Герцена и его друзей, тем был для нашего поколения Маркс. Глубокая практичность, объективность его, железная логика, почти всегда нарочито трезвый, почти сухой язык — не заслонил от нас тепла и света, сердца его системы.

Другой великан мысли «мастер владимирской фабрики кожевенных изделий» Иосиф Дицген горячим письмом ответил на «откровение» Маркса: «Вы впервые в ясной неопровержимой научной форме высказали то, что отныне станет сознательной тенденцией исторического развития, а именно тенденцию подчинить человеческому сознанию бывшую до сих пор слепую естественную силу общественного процесса производства». Именно эта сторона поражала и привлекала и нас. А головокружительные горизонты, которые великие пророки производительных сил человечества, от Бэкона Веруламского до Сен-Симона, открывали перед воображением, делали понятным «эстетический и религиозный вес» человеческого труда. «Философы старых школ познавали мир, задача новой философии — переделать его».

Но в то же время пишущему эти строки казалось, что никто в достаточной мере не подчеркнул этой эстетической и религиозной ценности нового мирозерцания и самого рабочего движения. Понятно было и то, почему это случи лось. Задачей Маркса и Энгельса было осветить действительность под углом зрения необходимости, т. е. научного познания. Задача оценки совершенно справедливо почиталась ими второстепенной, может быть третьестепенной. Но полнота человеческого отношения к миру получается лишь тогда, когда его процессы не только познаны, но и оценены. Человек есть существо познающее и оценивающее, лишь из познания и оценки вытекает действие. Пусть задача определить основы и характер новой пролетарской миро-оценки и выяснить ее место в ряду других миро-оценок в прошлом и настоящем значительно менее важна, чем задача обосновать научное пролетарское мирозерцание, — отсюда нельзя еще сделать вывода о том, что она, маловажная.

В уме автора стало обрисовываться нечто в роде системы эстетики, взятой в самом общем смысле, т. е. как наука о человеческих оценках вообще. Приходится остановиться на этой мысли в настоящем предисловии. Прежде всего оценка есть психологический факт. Все и всевозможные оценки от самой грубой до всеобъемлющего идеала имеют в основе своей психологический факт удовольствия и отвращения. Организм не только ощущает, но ощущения кажутся ему окрашенными в эти два психологические колорита, в различивших степенях и нюансах. Физиологическая основа этого психологического факта довольно ясна. Автору до сих пор кажется непоколебленным Авенариусовское физиологическое объяснение этой окраски (теория аффекционала). Примитивнейший факт — стремление продлить приятное ощущение, полезное для организма, и прервать вредоносное, как акт самосохранения организма — вот зерно, из которого

развернулось все богатство чувств, аффектов, эмоций, стремлений; сперва развертывание это имеет характер по преимуществу биологический (зоологический), а потом все более характер социальный. Как познание человеческое, как труд его, так и его оценки развивались под непосредственным влиянием среды космической и еще более — среды социальной, и законы этого развития могут быть открыты лишь при помощи все того же историко-материалистического, или монистического метода.

Вся та часть эстетики, которая рассматривает «оценку» как биосоциологический факт, находит место ее среди других проявлений видовой и индивидуальной жизни чело века, — может быть названа «Биологической эстетикой», включая в понятие биологии и социологию, как ее осложненное проявление. Но эстетика не может ограничиться этим.

Припомним, что само познание может быть предметом биосоциологического изучения, т. е. наука может искать место и объяснять значение самого познания в ряду других проявлений индивидуальной и социальной жизни. В результате такого изучения познания, (новые основы которого положил в особенности Авенариус в своей «Критике чистого опыта»), неизбежно является убеждение в глубокой относительности плодов познания. Современное состояние науки, современное мирозозерцание перестает казаться точным отражением в «разуме» или «субъекте» материи, мира, или объекта, а становится одной из ступе ней в трудовом развитии человека, в медленном стремлении его, обусловленном особенностями его организма, — обмозговать, очеловечить внешнее, среду: весь человеческий мир есть трудовой продукт, результат социально-трудового, в широком смысле этого слова, соприкосновения человека и стихий. Таким образом то, что мы называем «нашим миром», есть

лишь относительное равновесие «социального мозга» и внешних сил. Это создает возможность, даже необходимость представления о других, высших (как и низших) миро-восприятиях и мирозерцаниях. Однако, глубокое сознание относительности нашего мирозерцания не " ... — за ... — " ... мешает нам исходить из данных нашей науки, как из чего-то незыблемого, строить теории о прошлом и будущем мира, строить историю самого нашего сознания. И это единственно правильное поведение. Нельзя упускать из виду относительности всяких принципов, законов, даже аксиом. Но, покуда они практически не приводят к противоречиям и не могут быть заменены лучшими, — мы должны стремиться именно их светом осветить мир, при их именно помощи расширить пределы человечески познанного.

То же повторяется и с оценкой. Биологическая эстетика не может не привести нас к заключению об относительности всех и всяких оценок. И то, что выясняется пред нами рядом с новым пролетарским мирозерцанием, как новая пролетарская миро-оценка — тоже конечно относительная, преходящая и, во всяком случае, чисто-человеческая субъективная форма чувствования. Но для нас, в пределах нашей эпохи, мы можем исходить из этой оценки, не только как из установившейся но, что много радостней, как из устанавливающейся для «завтрашнего дня». Это и дает возможность создания «Нормативной эстетики», конечно, не абсолютной. ...

Наша нормативная эстетика, устанавливая критерий, нормы оценки — не думает, будто открывает объективные законы ценности, а стремится лишь внести порядок в существующие суждения (в понятия о добре и зле красоте и безобразии и им под.), какими они создаются в нашу эпоху смены и борьбы двух миров: буржуазно-индивидуалистического и пролетарско-социалистического. Здесь надо упомянуть лишь тот основной критерий, который, как кажется автору,

лежит в основании эстетики: это понятие *taximum*'а жизни, возможно боль шей жизненной мощи. Принцип единства в разнообразии, или возможно более полного единства при возможно большем богатстве элементов — выражает в сущности то же, но как всякий «гармонический» принцип недостаточно подчеркивает динамическую сторону того, что почитается положительным. Кроме того, критерии *taximum*'а жизни, при проникновении в биологическую и социальную сущность этого идеала (ибо это и критерий и идеал) является принципом высоко-социальным и совпадает с принципом совершенства вида (принципом, который открыто провоз гласил и Маркс). Нормативная эстетика располагает систематически все ценности мира (природы и жизни) вокруг этого идеала. Биологическая эстетика не только выясняет биологическую сущность этого идеала, но и служит ему мощной опорой, открывая именно его развитие, его эмбриональные формы в других идеалах, других критериях, и ясно показывая, что отклонения от него, противоречия ему, если не являются этапами его собственного развития — имеют биологически и социально-экономически характер болезни и регресса. Биологическая эстетика раскрывает, что идеал *taximum* а, жизни, видового совершенства человека, мощи вида, победы разума над стихией (выражения одной и той же сущности) и есть психическое выражение фактически наиболее могучего прогресса жизни физиологической и социально-экономической; она открывает также и то, как и почему идеал в свою очередь является силой, повышающей энергию индивидуального и общественного развития.

Приходится ограничиться здесь этими самыми общими штрихами. До сих пор автору удалось лишь набросать общий очерк позитивной эстетики, напечатанный в сборнике «Очерки реалистического мирозерцания». Очерк этот весьма нуждается в дополнениях.

Читатель поймет, насколько вышеизложенные идеи должны были показаться автору своевременными, когда началось столь усиленное на первых порах выступление «идеализировавшихся» экс-марксистов. Они исходили как будто из той же потребности. Г. Бердяев отчетливо формулировал задачу: по Марксу социализм есть социологическая необходимость, но следует ли из этого, что он есть благо? По Марксу социализм есть классовое дело пролетариата. Но следует ли отсюда, что это также дело всего человечества, за исключением своекорыстных? Словом, нельзя ли доказать, что социализм есть наивысший мыслимый в настоящее время общественный идеал, безотносительно к интересам того или другого отдельного класса и независимо от вопроса о неизбежности его наступления. Многие правоверные марксисты просто не видели вопроса и задачи там, где их видел Бердяев. Они даже утверждали иногда, что идеал может быть только классовым, и что задача доказывать его безотносительную высоту, его объективные преимущества — пустая задача. Достаточно этих двух положений: пролетариату выгоден социализм; социализм придет по законам развития и разложения капиталистического общества.

Это было узкое суждение. Правда носители его говорили: кого собираетесь уловлять вы вашими объективными доказательствами высоты социалистического идеала? Социализм не вера, жаждущая прозелитов вне пролетариата, а чисто классовая задача пролетариата. Прибавляли даже, что союзники из других классов не только не нужны, но вредны ему. Повторяю — это узкое суждение. К диктатуре пролетариата естественной подготовкой служит идейная гегемония пролетариата. Можно пожалуй отрицать пользу вступления в партию с. — д. союзников из интеллигенции и мелкой буржуазии, но важность широких симпатий в среде всех передовых людей и всех обездоленных